

НАРОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО В АРМЕНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НАТАЛЬЯ ВЛАДИСЛАВОВНА КРЮКОВА

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН:
Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а;
Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 2)

***Аннотация.** В статье исследуется народное христианство в Армении — религиозная повседневность, включающая в себя особое восприятие и понимание христианства, а также специфические практики, отличающиеся от официально одобренных Армянской Апостольской Церковью форм проявления религиозности и отправления культа. Анализируется такое комплексное явление, как сурб. Этим термином могут обозначаться любые священные места в жилище, селении или за его пределами. В сознании сельских жителей все они находятся в общем сакральном поле, различаясь лишь степенью своей святости. В статье рассматриваются культовые практики сельских жителей преимущественно Апаранского района Западной Армении, в том числе древний обряд жертвоприношения матах. Разбираются взаимоотношения представителей официальной Церкви и тех, кто практикует обряды народного христианства. Исследование проводилось как часть проекта по изучению механизмов конструирования смысла жизни и жизненных ценностей, который Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ проводил в 2015–2017 гг. Тема раскрывается на основе полевых наблюдений и глубинных интервью, полученных автором в армянских селах в 2015 и 2016 гг. Анализируются нарративы сельских жителей на фоне их повседневной жизни и особенностей быта, приводятся социологические данные.*

***Ключевые слова:** жизненные ценности, армяне, вернакулярные практики, народное христианство, сурб, матах.*

В 2011 г. Армения приняла участие в третьей волне этносоциологического исследования «Мировое исследование ценностей» “World Values Survey”. Согласно полученным данным, 89,3% от общего

числа опрошенных армян указали на важность религии в своей жизни¹ [WVS, V9]. Для сравнения: в России 41,8% считают религию «важной» и «скорее важной», в Белоруссии 48%, Украине 60,8%, Азер-

¹57,5% армян указали, что религия играет очень важную роль в их жизни, еще 31,8% считают религию для себя скорее важной. Так оценивают религию практически равное число респондентов в двух из трех исследуемых возрастных групп: 88,3% в возрастной группе до 29 лет и 88,4% в группе от 30 до 49 лет. Среди людей старше 50 лет важной и скорее важной для себя религию считают более 90% опрошенных. Мужчин и женщин, указавших на значительную роль религии в своей жизни, 86,8 и 91,7% соответственно. 3,5% респондентов от общего числа опрошенных полагают, что религия для них не важна совсем [WVS, V9].

байджане 69,2%. По этим показателям Армения стоит в одном ряду с Грузией и Польшей — европейскими странами с наиболее высоким уровнем религиозности: в Грузии — 97,1% опрошенных, в Польше — 79,6%.

Существует определенная корреляция между данными этносоциологов и данными Центра социальной антропологии РГГУ, проводившего исследование в Армении в 2015–2016 гг.² в рамках изучения ценностей и конструирования жизненных смыслов³. Опросы и интервью проходили в городах и селах Арагацотнского и Гегаркуникского марзов РА⁴. Абсолютное большинство опрошенных назвали семью, религию/веру и работу в качестве главных жизненных ценностей, определяющих поведение и структурирующих повседневную реальность. Почти все опрошенные вне зависимости от пола, возраста и материального достатка характеризовали себя как людей верующих и принадлежащих к Армянской Апостольской Церкви. При этом большое число тех, что назвали себя верующими, церковь посещают редко, главным образом в дни церковных праздников или же не посещают вовсе. Среди таких праздников упоминались *Затик* — Пасха, *Амбарцум* — Вознесение (отмечается на 40-й день после Пасхи), Рождество и Крещение (Водосвятие), которые в армянской церковной традиции отмечаются в один день, *Сурб Саркис*, *Трднлез*, *Вардавар* и *Сурб Хач*⁵.

Вот типичные ответы информантов: «*Без веры нет жизни*» (информантка С., 88 лет). «*Верующий я, конечно. У нас неверующих нету! В нашем селе никаких других наций не было, все мы армяне и все верующие*» (информант А., 97 лет). «*Наша*

вера самая древняя и сильная. У нас все верят. А как без этого?» (информант К., 52 года). «*Я и религиозный человек, и верующий. Меня церковь успокаивает, я там себя хорошо чувствую. Если хочется плакать, церковь самое лучшее место, где я могу успокоиться*» (информантка М., 23 года). И вместе с тем мы наблюдали практически полное отсутствие приходской жизни, особенно заметное в сельской местности.

Ценности существуют как в виде дискурсивных установок, охотно транслируемых информантами во время интервью, так и в форме невербального общения и поведения. Ценностная композиция сообщества, на наш взгляд, наиболее точно проявляется при сопоставлении данных интервью и наблюдений за людьми в привычном для них окружении, в процессе повседневного взаимодействия и социальных практик. Существующее противоречие между декларируемым высоким уровнем религиозности и сравнительно низким уровнем ее проявления в видимых для социологов и религиоведов формах имеет ряд возможных истолкований. В данной статье мы делаем попытку дать объяснение данному феномену с позиции антрополога.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ И НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ

Армяне гордятся тем, что первыми приняли христианство в качестве государственной религии⁶. Религиозный компонент, наряду с этническим, является важнейшей частью армянской идентичности. Армянская Апостольская Церковь (далее — ААЦ) всегда играла одну из ведущих ролей в поддержке этой идентичности, ее

² О предварительных результатах исследования см.: [Кабичкий, Крюкова 2015; Крюкова 2015; Крюкова 2016].

³ Исследование проводилось в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда № 15-01-00445 «Конструирование смысла жизни: реальность и ее восприятие в России и сопредельных странах (социально-антропологическое исследование)».

⁴ Марз (в пер. с арм. «область») — единица административно-территориального деления Армении. Опросы и интервью велись в Ереване, Аштараке, Дилиджане, Эчмиадзине, Апаране, Чамбараке, Севане.

⁵ Сурб Саркис, или день Святого Саркиса, празднуется в конце января или начале февраля; Трднлез празднуется 14 февраля, приурочен ко дню Сретенья Господня. Вардавар отмечается в середине июля, связан с именем языческого бога воды Варда, христианской Церковью приурочен к празднику Преображения. Сурб Хач, или день Святого Креста, празднуется в середине октября, в этот день принято помянуть усопших. О традиционных праздниках, об их истоках и современном бытовании см., к примеру: [Армяне 2012; Тер-Саркисянц 1998; Шагоян 2012].

⁶ В армянской церковной и научной традиции датой обращения считается 301 г.

роль особенно возростала в драматические в периоды армянской истории. Отвергнув решение Халкедонского собора в 451 г. и оставшись в рамках монофизитского учения, ААЦ перестала быть частью Вселенской Христианской Церкви, обособилась и сосредоточилась на заботах о душах исключительно армян. ААЦ не претендовала на включение в свое лоно представителей других этнических групп и всегда противодействовала попыткам вовлечения армян в иные конфессии. Армяне являются классическим примером этноконфессиональной нации⁷.

Религиозная самоидентификация армян выражается термином *hay-k'ristonyա*, что в переводе с армянского означает «армянин-христианин» [Абрамян 2006, 112]. Армянином для армянина является тот, кто принадлежит к ААЦ, и наоборот, посещающий армянскую церковь почти со стопроцентной вероятностью окажется армянином. В современном армянском обществе распространено представление, что каждый армянский младенец рожден уже в лоне ААЦ. Армянин, меняющий религию, зачастую воспринимается как разрушитель общественного единства и даже как изменник⁸.

ААЦ в течение многих веков выступала организующей, идеологической, представительской общеармянской институцией. В советский период преемственность ААЦ оказалась почти полностью прерванной. Тем не менее в советской Армении процент крещеных был выше, чем в других республиках СССР, несмотря на практически полное уничтожение церковных институтов, инфраструктуры и отсутствия приходской жизни [Antonyan 2011; Corley 1996; Corley 1996a; Siekierski 2013]. Очевидно, что армянская религиозность и духовная традиция сохранялись и поддерживались в этот период в каких-то иных, внецерковных формах.

Практически в каждом селе, где велась наша работа, есть действующая церковь, и зачастую не одна. Например, в селе Лусагах Апаранского района расположены две действующие церкви: одна — в центре села, вторая — на склоне горы над селом. *Вери ванк*, или «верхний храм», называется *Сурб Тух Манук*. Это маленькая церковь VII в., расположенная в труднодоступном месте⁹. Жители села поднимаются в храм пешком по крутому склону, пожилых привозят на машинах по горному серпантину. В зимний период храм закрыт, потому что дорога к нему завалена снегом, и существует реальная опасность столкнуться в горах с голодными волками [ПМА 2016]. Ежегодно на 40-й день после Пасхи жители окрестных сел совершают паломничество к храму, приезжает священник и проводится литургия. Небольшое внутреннее пространство церкви не может вместить всех паломников, поэтому люди большую часть службы стоят снаружи. *Сурб Тух Манук* пользуется особой любовью и уважением жителей окрестных сел.

Круглый год открыта церковь побольше — *Сурб Мариам Аствацацин*, расположенная в центре села. Это типовая базилика прямоугольной формы, построенная в 1887 г., вероятно, в подражание базилике *Сурб Хач* в районном центре — городе Апаране¹⁰. Литургия в ней проводится в дни больших праздников. Во всех остальных случаях жители села либо едут в Апаран или Аштарак, либо специально привозят священника в село. По нашим наблюдениям в обычные дни никто, кроме женщины-смотрительницы, в церковь не заглядывает.

В селах этого района Армении центрами духовной жизни являются вовсе не церкви, а сельские молельни, небольшие часовни, домашние святилища и некоторые природные объекты, расположенные

⁷ Об истоках, компонентах и современных формах этнонационального дискурса в Армении см.: [Siekierski 2014; Абрамян 2011].

⁸ Резко негативно многие сельские жители высказываются по отношению односельчанам-пятидесятниками и «Свидетелям Иеговы» — наиболее распространенным иноконфессиональным объединениям в исследуемом регионе. Об отношении армян и ААЦ к другим конфессиям см.: [Микаэлян 2014; Авакян 1999].

⁹ *Сурб Тух Манук* в с. Лусагах числится в списке ранних памятников архитектуры энциклопедии Хайазг (URL: [http://ru.hayazg.info/Церковь_Тух_Манук_\(Лусагах,_Армения\)](http://ru.hayazg.info/Церковь_Тух_Манук_(Лусагах,_Армения))) (дата обращения: 19.06.2018). О святилищах Тух Манук см.: [Harutyunyan, Kalantaryan 2001].

¹⁰ Церковь *Сурб Хач*, или Церковь Святого Креста в Апаране, — действующая раннехристианская базилика IV в., отреставрированная в 1877 г. Памятник архитектуры.

поблизости от сел. Их обустройство и посещение — наиболее распространенные формы так называемого народного христианства или вернакулярной религии в Армении.

Термины «народное христианство» (*folk Christianity*), «народная религиозность», прочно закрепившиеся в этнографической, антропологической, религиозно-ведческой литературе и ритуале обозначения устной традиции и ритуальных практик, не легитимированных официальной Церковью, в последние десятилетия подвергаются серьезной критике как модернистские и уничижительные, создающие несостоятельное противопоставление между «большой», «правильной» (письменной) традицией и неофициальной, «искаженной», «неверно понятой» недостаточно образованными или вовсе религиозно безграмотными верующими. Л. Приммиано предложил заменить определение «народный» (*folk*) на «вернакулярный» как более нейтральное и отражающее суть самого явления [Antonyan 2011; Primiario 1995]¹¹. Термин «вернакулярный» в сочетании с «религиозностью», «практиками», «традициями», «христианством» в последние годы прочно вошел в научный оборот. Тем не менее, нам кажется, «вернакулярность» в большей степени указывает на местную специфику более общего явления. По справедливому замечанию Л. Абрамяна, «вернакулярный» уместно использовать в тех случаях, когда мы говорим об особенностях и локальных различиях внутри общего поля неортодоксального христианства в Армении. Таким образом, народное христианство или народная религиозность в целом могут складываться из некоторого числа или даже множества различных вернакулярных вариаций¹² [Abramyan et al. 2018, 72].

Народное христианство в Армении — это религиозная повседневность, включающая в себя особое восприятие и понимание христианства, а также специфические практики, которые отличаются от официально одобренных ААЦ форм

проявления религиозности и отправление культа. Это целостная система, состоящая одновременно из христианской веры и магических ритуалов, связанных с поклонением Богу Отцу, Иисусу Христу, Деве Марии, множеству общеармянских и узколокальных святых, а также почитание природных объектов и предметов, наделяемых особой святостью [Antonyan 2011, 327]. Народные христианские традиции включают в себя обязательное паломничество и прикладывание к святыням, веру в мистические откровения, приоритет личного мистического опыта и индивидуального религиозного поведения. Посещение и поклонение местным святыням приравнивается к посещению церкви и может полностью его заменять. Частота посещения святых мест — часть вернакулярной традиции. Такой тип религиозности характерен для большинства сельского населения Армении, а также той части городского населения, которая в недавнем времени мигрировала в город из села, но продолжает сохранять тесные связи со своими сельскими сообществами [Там же, 322].

Объекты, входящие в вернакулярный комплекс народного христианства в изучаемом регионе, можно с некоторой долей условности разделить на несколько категорий. К первой категории можно отнести сельские молельни, часовни, домашние святилища и семейные святыни *тан сурбы* — объекты, расположенные внутри села и его строений, обустроенные сельскими жителями на свои средства. Ко второй — святилища, расположенные за пределами села, как правило, связанные с природными объектами. К третьей — церковные строения, вне зависимости от степени их сохранности. В отдельную категорию можно выделить домашние святыни — *тан сурбы*. Следует отметить, что подобное деление на категории условно. Часто не существует четких семантических и пространственных границ между домашней святыней и сельской молельней, между почитаемыми руинами церкви

¹¹ *Вернакулярный* (*vernacular*) — термин, активно использующийся в текстах по антропологии религии и религиозности. Он был предложен Л. Приммиано в его концепции вернакулярной религии [Primiario 1995].

¹² Наша полевая работа предоставила данные по вернакулярному христианству — локальным проявлениям религиозности и современным ритуальным практикам — нескольких районов Западной и Северной Армении.

Шушпа с изображением Девы Марии на стене в заброшенной молельне. Фото автора, 2016 г.
Shushpa with an image of the Virgin Mariam on the wall in an abandoned home chapel. Photo by the author, 2016

Шушпа с рукотворным изображением на стене в заброшенной молельне. Фото автора, 2016 г.
Shushpa with a handmade picture on the wall in an abandoned home chapel. Photo by the author, 2016

и святилищем, связанным с родником или деревом. В сознании местных жителей все они находятся в общем сакральном поле, различаясь лишь степенью своей святости. Все святые места жители называют единым термином *сурб*, что в переводе с армянского означает «святой», «священный». Для всех перечисленных объектов вернакулярной традиции существуют общие ритуалы и практики почитания.

РИТУАЛЫ И ПРАКТИКИ

В окрестностях сел, где нам довелось побывать, существуют целые комплексы святилищ, связанных с родниками, камнями, деревьями, к которым жители совершают регулярные паломничества. Часть святынь популярна лишь у местных жителей, но есть святилища, куда устремляются паломники со всей округи. И у этих святилищ, и у сельских молелен и часовен есть свои смотрители. В их обязанности, как правило, входит поддержание чистоты и порядка, иногда участие в проведении определенных ритуалов. Посещая природные святилища, паломники делают то же, что при посещении церквей и вернакулярных святынь внутри села: зажигают свечи, приносят и развешивают *шушпы* — обетные платы, повязывают ритуальные разноцветные кусочки ткани или ленты. Традиции почитания неразрывны с визионерством, вещими снами и пророчествами, получаемыми верующими во сне от святых,

связанных с конкретным святилищем. В молельнях и святилищах можно увидеть рукотворные макеты и изображения церквей, вырезанные из дерева или вышитые изображения Иисуса Христа, Девы Марии и хачкары, вырезки из журналов с фотографиями общепармянских святынь, фотопринты католических икон или репродукции известных живописных полотен на религиозные сюжеты. В *сурбах* обследованных нами сел наиболее популярными была репродукции «Сикстинской Мадонны» и «Мадонны Литты».

Помимо символических жертв рядом с *сурбом* совершается *матах*. *Матах* — древний обряд жертвоприношения, живая повседневность культовой практики современной Армении¹³. Существует несколько разновидностей *матаха*. По особым поводам проводят большой *матах*. Особые поводы — это обряды жизненного цикла, избавление от крупных бед, угрожающих благополучию всей семьи, празднества, устраиваемые при отправлении и возвращении сыновей с воинской службы, церковные праздники, такие, как, например, Рождество и Крещение и т.д. На большом *матахе* в жертву приносят барана. В жертвенной трапезе могут принимать участие только члены семьи жертвователя или же устраивается общая трапеза, на которую приглашаются все посетители святого места. Поводом для жертвы может быть как горестное событие, так и радостное. К примеру, одна из

семей начинала праздник по случаю счастливого возвращения сына с армейской службы с благодарственной жертвы Богу. Годовалого барана купили в соседнем селе у езидов. Молодые люди, во главе с вернувшимся сыном, отправились вместе с жертвенным ягнёнком в наиболее почитаемый в этом селе *сурб*. Перед началом церемонии молодые люди зашли в церковь и зажгли свечи. Для освящения жертвы животное три раза по часовой стрелке обвели вокруг церкви, затем надрезали ухо. Существует практика, когда кровью барана крест-накрест мажут лоб основному жертвователю, а над жертвой читают молитву. Священники в церемонии участия не принимают, молитву читают наиболее уважаемые участники церемонии, как правило, это пожилые люди [ПМА 2018]. В нашем случае кровью не мазали, общую молитву не читали. После освящения барана в *сурбе* все вернулись домой. В саду рядом с домом баран был зарезан. Мясо было сварено и роздано родне, соседям и гостям. «Да будет принята жертва», — говорили, раздавая мясо. «Жертва принята», — обязательно отвечали принимающие. Жертвенное мясо ели в течение нескольких дней. Перед проведением ритуала жертве всыпают в горло освященную соль.

Соль, которая используется в приготовлении жертвенной трапезы, освящается в церкви. Накануне идут в церковь с мешком соли. Священник может наложить крест на открытую соль так, чтобы обязательно остался отпечаток на соли, но чаще всего просто читает молитву. Предварительно дом полностью очищается от старой соли: вся соль заменяется на новую, освященную.

В более обыденной, повседневной ситуации совершают малый *матах*. В этом случае в жертву приносят петуха. Так делают, например, если болеет ребенок.

Птицам отрубывают голову, варят на разведенном рядом со святилищем костре, мясо птицы раздают всем присутствующим. Очень часто на *сурбах* можно увидеть лапы принесенных в жертву птиц, остатки жертвенной трапезы¹⁴.

До недавнего времени считалось обязательным раздавать мясо жертвенного животного в семь мест или семи людям. Сейчас этот обычай соблюдается не всегда. Строже всего следуют традициям проведения *матаха* на юге Армении, в Сюнике. В Апаранском районе, где велась наша работа, и дальше на север Армении жертвоприношения отличаются большей вольностью и простотой [ПМА 2018].

Еще в советский период существовала практика благословения животного и надрезания уха священниками ААЦ¹⁵ [Abramyan et al. 2018, 76; Antonyan 2015, 92; Siekierski 2013, 17]. Служители церкви, с которыми нам довелось беседовать, высказывали различное отношение к практикам народного христианства в целом и к *матаху*, в частности. Освящение соли для жертвенной трапезы оказалось обычным делом, однако освящение самих животных, по их словам, не практиковалось и не практикуется. *Матах* служители ААЦ не поощряют, но относятся к нему как к неизбежному злу, которое они вынуждены терпеть в надежде в скором времени «перевоспитать» прихожан. Следует отметить, что моральный и духовный авторитет священнослужителей среди сельских жителей не очень высок. В Армении нет априорного и однозначного уважения к священникам со стороны верующих, как, например, в России. Открыто выступать против повсеместно распространенных обрядов означает настроиться против себя паству. Вполне естественно, что более терпимыми к народным обычаям оказываются сельские священники,

¹⁴ Останки жертвенных животных позволяют понять, насколько активно жители посещают то или иное святилище. В частности, таким образом удалось установить, что руины церкви на окраине одного из сел также являются *сурбом*, активно используются в качестве святилища. По началу местные жители это отрицали.

¹⁵ Народное христианство в Армении долгое время оставалось «невидимым»: как для советской антирелигиозной пропаганды и официальных деятелей ААЦ, так и для советских этнографов и западных исследователей религии [Siekierski 2013, 16]. В советский период изучение религии и религиозности было возможно лишь в рамках чисто советского изобретения — религиоведения. Этнографическое изучение религии, различных форм проявления религиозности долгое время происходило в жестких рамках теории «пережитков» и рассматривалось как «пережитки дохристианских культов» [Abramyan 2011, 300]. Переоткрытие этой темы арменоведцами в рамках антропологии религии произошло уже в постсоветскую эпоху.

более тесно включенные в вернакулярный контекст. В целом мы заметили, что чем выше пост в церковной иерархии занимает духовное лицо, тем резче оно высказывается по поводу неортодоксальных проявлений религиозности. Священники из Эчмиадзина¹⁶ открыто обвиняли сельских жителей в невежестве и приверженности к язычеству, а один и вовсе называл их «внутренними врагами Армении» [ПМА 2015].

НАСТУПЛЕНИЕ ААЦ

Несмотря на то что официальная Церковь рассматривает практикующих как язычников, сами они не противопоставляют себя Церкви и конфессиональному вероучению. Они считают себя истинно верующими последователями Армянского Апостольского Христианства. Негативное отношение священнослужителей к древним обычаям эти верующие связывают с общим моральным упадком в среде духовенства, которое *«больше занято зарабатыванием и бизнесом, чем верой и духовными делами»* [ПМА 2015].

Гневные голоса служителей ААЦ в адрес народной религии в последние годы звучат все громче и не только в частных беседах. По словам информантов и экспертов, представить себе такое в былые времена было невозможно [ПМА 2016; ПМА 2018]. В настоящее время в армянском общественном дискурсе появилась тема противопоставления «правильного» и «неправильного» христианства. Возникновение и развитие этой темы СМИ связывают с «возрождением» и укреплением политического и экономического положения ААЦ в постсоветской Армении, с ее желанием закрепить за собой статус единственного оплота истинного армянского апостольского христианства. Интересы ААЦ совпали с этноцентристскими интересами постсоветских элит, для которых религия оказалась мощным символическим ресурсом в построении этнонационального мифа и легитимации национального государства [Агаджанян 2016, 341].

«Правильное» и «истинное» Апостольское Христианство ААЦ противопоставляет «искаженному» народному, равно как и любым религиозным течениям в целом. ААЦ создает и активно «транслирует» через СМИ модель «идеального» верующего-прихожанина и стремится унифицировать и стандартизировать религиозность и формы ее проявления. В советский период, когда ААЦ подвергалась гонениям со стороны государства, церковь сохраняла стратегически выгодную терпимость, а духовенство зачастую неофициально поддерживало разнообразные проявления христианской религиозности, в том числе и те практики, которые ныне объявляются языческими предрассудками¹⁷. Чаще всего декларируется отношение к неортодоксальным верующим как к заблудшим овцам или неразумным детям, которых надо перевоспитать и наставить на правильный путь. Однако иногда, наступление официальной церкви на народное христианство может принимать и агрессивные формы. В таких случаях, ААЦ всеми возможными средствами стремится утвердить свое присутствие и получить контроль над популярными местными *сурбами*, сея конфликт среди местных жителей¹⁸.

«МОЕ ДЕЛО, КАК К БОГУ ОБРАЩАТЬСЯ, НИКТО МНЕ НЕ УКАЗ!»

Стремление ААЦ вмешаться в религиозную жизнь сельских сообществ, контролировать формы проявления религиозности болезненно воспринимаются частью верующих. Эти попытки трактуются как желание ограничить свободу религиозного выбора и индивидуального проявления религиозного поведения. Религия в лице ее официальных институций — священников, официального ритуала, общих канонов и правил — воспринимается приверженцами народных форм христианства в какой-то степени как нечто чужеродное, искусственное. Они готовы использовать их по особым поводам (для совершения обрядов жизненного цикла, в дни праздников), однако не на повседневном, индивидуальном

¹⁶ Эчмиадзинский монастырь — духовный центр ААЦ, местонахождение Престола и резиденции Католикоса Всех Армян, а также главной Духовной Академии ААЦ.

¹⁷ Об использовании ААЦ народной религиозности см., например: [Шагоян 2012].

¹⁸ О методах и инструментах «отвоевывания» популярных народных святынь и создания новых см.: [Abramyan et al. 2018; Antonyan 2014].

уровне. Подобное отношение, вероятно, связано с длительными периодами приватизации религии в периоды геноцида, гонений и полного запрета, когда религиозные символы, культовые практики, материальная репрезентация религии были вытеснены из публичной сферы в область частной жизни. Религиозная жизнь в сельской местности в течение долгого времени концентрировалась вокруг семейных реликвий и локальных сакральных мест. В результате сформировались определенные когнитивные и дискурсивные привычки, преобразовавшиеся впоследствии в конкретные внецерковные ритуалы и практики. Апостольское христианство в общественном сознании воспринимается как одна из глубинных армянских ценностей,

как базовое качество армянской идентичности. Вместе с тем мы видим, что смысловое наполнение этой ценности может быть различным. И существуют как минимум две мощные традиции, каждая из которых претендует на истинность и исконность. Народное христианство — неотъемлемый компонент армянской национальной религии. Это эндемичная традиция, которая развивалась параллельно официальной, отлично с ней уживалась, а в некоторые периоды истории Армении с успехом ее замещала. События последних лет, по мнению некоторых исследователей, показывают, что религиозное разнообразие в Армении вместе с традициями народного христианства находятся под угрозой [ПМА 2018; Abramyan et al. 2018, 87].

Источники и материалы

ПМА 2015, ПМА 2016 — Полевые материалы автора, собранные в гг. Ереване, Дилиджане, Эчмиадзине, Апаране, Аштараке, Чамбараке, Севане, селах Апаранского района (Арагацотнский марз) и селах Чамбаракского района (Гегаркуникский марз) в 2015–2016 гг.

ПМА 2018 — Полевые материалы и экспертные интервью, собранные автором в Армении и России.

WVS — World Values Survey Wave 6 (2010–2014). Data & Documentation. Armenia 2011. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 19.06.2018).

Исследования

Абрамян 2011 — *Абрамян Л.* Конструктивисты раннего Средневековья: случай Армении // Антропология социальных перемен. М., 2011. С. 87–114.

Авакян 1999 — *Авакян Г.* Армянская Апостольская Церковь, ее место в современном армянском обществе. URL: http://www.ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_21_avakyan.shtml (дата обращения: 19.06.2018).

Агаджанян 2016 — *Агаджанян А. С.* Этнос, нация и религия: научные парадигмы и реальность Южного Кавказа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 331–356.

Армяне 2012 — Армяне / Отв. ред. Л. М. Варданян, Г. Г. Саркисян, А. Е. Тер-Саркисянц. М., 2012.

Арутюнов 2009 — *Арутюнов С. А.* Бык и баран: параллель или оппозиция. URL: http://levonabrahamian.com/cntnt/publication/articles_b/stati/sarutyunov.html (дата обращения: 19.06.2018).

Кабицкий, Крюкова 2015 — *Кабицкий М. Е., Крюкова Н. В.* О чем говорят в Армении: краткий экскурс в народный дискурс // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1970/> (дата обращения: 19.06.2018).

Крюкова 2015 — *Крюкова Н. В.* Некоторые аспекты конструирования смысла жизни и жизненных ценностей в актуальном армянском дискурсе. Первичный анализ материалов двух полевых экспедиций в Армению 2015–2016 гг. // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. X. М., 2015. С. 53–67.

Крюкова 2016 — *Крюкова Н. В.* «У нас неверующих нету!»: отношение к религии в современной Армении // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. № 11. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1998/> (дата обращения: 19.06.2018).

Микаэлян 2014 — *Микаэлян Г.* Армянская апостольская церковь и общество в современной Армении // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности. М., 2014. С. 216–262.

Тер-Саркисянц 1998 — *Тер-Саркисянц А. Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.

Шагоян 2012 — *Шагоян Г.* Время играть свадьбу: мифологическая и экономическая обусловленность армянского свадебного сезона // Армянский гуманитарный вестник. 2012. № 4. С. 140–152.

Abramyan 2006 — *Abramyan L.* Armenian identity in a changing world. CA, 2006.

Abramyan 2011 — *Abramyan L.* Description and (re) construction in Soviet-era anthropology // Exploring the edge of empire. Soviet era anthropology in the Caucasus and Central Asia. Berlin. 2011. Pp. 297–312.

- Abramyan et al. 2018 — *Abramyan L., Hambarzumyan Z., Shagoyan G., Stepanyan G.* The chain of seven pilgrimages in Kotaik, Armenia. Between folk and official Christianity // Sacred places, emerging spaces. Religious pluralism in the post-Soviet Caucasus. New York, Oxford, 2018. Pp. 70–96.
- Antonyan 2011 — *Antonyan Y.* Religiosity and religious identity in Armenia: Some current models and developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). Pp. 315–332.
- Antonyan 2014 — *Antonyan Y.* Church, god and society: Towards the anthropology of church construction in Armenia // *Armenian Christianity today: Identity, politics and popular practice*. London; NY, 2014. Pp. 35–56.
- Antonyan 2015 — *Antonyan Y.* Political power and church construction in Armenia // *Religion, nation and democracy in the South Caucasus*. London; New York, 2015. Pp. 81–95.
- Corley 1996 — *Corley F.* The Armenian Church under the Soviet regime. Part 1: The Leadership of Kevork' // *Religion, State and Society*. 1996. No. 24 (1). Pp. 9–53.
- Corley 1996a — *Corley F.* The Armenian Church under the Soviet regime. Part 2: The Leadership of Vazgen // *Religion, State and Society*. 1996. № 24 (4). Pp. 286–343.
- Harutyunyan, Kalantaryan 2001 — *Harutyunyan S. B., Kalantaryan A. A.* *Tukh Manuk [The Dark Youth]*. Yerevan, 2001.
- Primiano 1995 — *Primiano L. N.* Vernacular religion and the search for method in religious folklore // *Western Folklore*. 1995. Vol. 54. Pp. 37–56.
- Siekierski 2013 — *Siekierski K.* The Armenian Apostolic Church and Vernacular Christianity in Soviet Armenia // *Keston Newsletter*. 2013. № 18. Pp. 15–20.
- Siekierski 2014 — *Siekierski K.* “One nation, one faith, one church”: The Armenian Apostolic Church and the ethno-religion in post-Soviet Armenia // *Armenian Christianity today: Identity, politics and popular practice*. London; NY, 2014. Pp. 9–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крюкова Н. В. <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822>

Аспирантка Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-18-20; преподаватель Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 2; тел.: +7 (495) 250-61-02; e-mail: nkryu@mail.ru

FOLK CHRISTIANITY IN ARMENIA: TRADITIONS AND NOWADAYS

NATALIA V. KRYUKOVA

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science: 32a, Leninsky av., Moscow, 119334, Russian Federation; Center for Social Anthropology, Russian State University for Humanities: 6, build. 2, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation)

Summary. *The article studies the folk Christianity in Armenia — the religious everyday life, which includes a special perception and understanding of Christianity as well as specific practices that differ from the forms of manifestation of religiosity and worship officially approved by the Armenian Apostolic Church. It analyzes such a complex phenomenon as surb, this term may denote any sacred places in a house, inside a village or beyond. In the minds of village inhabitants, they are all in a common sacred field and differ only in the degree of their holiness. The article also considers the cult practices of village inhabitants of some Armenia regions, mainly the Aparan region of Western Armenia, including such an ancient rite of sacrifice as matak. The article examines the relationship between the official Church representatives and those who practice the rites of the folk Christianity. The topic is presented through analysis of statistic data, in-depth interviews and day-to-day narratives of people with the researchers' observations as a background. The field work done in 2015 and 2016 is a part of the framework of a research project devoted to the problem of constructing of life meanings and life values which is held by Center of the Social Anthropology, Russian State University for Humanities, in 2015–2017.*

Key words: *life values, Armenians, vernacular religiosity, folk Christianity, surb, matak.*

References

- Abramyan L.** (2006) Armenian identity in a changing world. CA. In English.
- Abramyan L.** (2011) Description and (re) construction in Soviet-era anthropology. In: *Exploring the edge of empire. Soviet era anthropology in the Caucasus and Central Asia.* Berlin. Pp. 297–312. In English.
- Abramyan L.** (2011) Konstruktivisty rannego Srednevekov'ya: sluchay Armenii [Constructivists of the early Middle Ages: the case of Armenia]. In: *Antropologiya sotsial'nykh peremen [Anthropology of social changes].* Moscow. Pp. 87–114. In Russian.
- Abramyan L., Hambardzumyan Z., Shagoyan G., Stepanyan G.** (2018) The chain of seven pilgrimages in Kotaik, Armenia. Between folk and official Christianity. In: *Sacred places, emerging spaces. Religious pluralism in the post-Soviet Caucasus.* New York; Oxford. Pp. 70–96. In English.
- Agadzhanian A. S.** (2016) Etnos, natsiya i religiya: nauchnyye paradigmy i real'nost' Yuzhnogo Kavkaza [Ethnos, nation and religion: scientific paradigms and reality of the South Caucasus]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2016. No. 2. Pp. 331–356. In Russian.
- Antonyan Y.** (2011) Religiosity and religious identity in Armenia: Some current models and developments. *Acta Ethnographica Hungarica.* 2011. No. 56 (2). Pp. 315–332. In English.
- Antonyan Y.** (2014) Church, god and society: Towards the anthropology of church construction in Armenia. In: *Armenian Christianity today: Identity, politics and popular practice.* London; NY. Pp. 35–56. In English.
- Antonyan Y.** (2015) Political power and church construction in Armenia. In: *Religion, nation and democracy in the South Caucasus.* London; NY. Pp. 81–95. In English.
- Armyane [Armenians] (2012). Ed. by L. M. Vardanyan, G. G. Sarkisyan, A. E. Ter-Sarkisyan. Moscow. In Russian.
- Arutyunov S. A.** (2009) Byk i baran: parallel' ili oppozitsiya [Bull and ram: parallel or opposition]. URL: http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati/sarutyunov.html (retrieved: 19.06.2018). In Russian.
- Avakyan G.** (1999) Armyanskaya Apostol'skaya Tserkov', eyo mesto v sovremennom armyanskom obshchestve [The Armenian Apostolic Church, its place in the modern Armenian society]. URL: http://www.ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_21_avakyan.shtml (retrieved: 19.06.2018). In Russian.
- Corley F.** (1996) The Armenian Church under the Soviet regime. Part 1: The Leadership of Kevoork. *Religion, state and society.* 1996. No. 24 (1). Pp. 9–53. In English.
- Corley F.** (1996a) The Armenian Church under the Soviet regime. Part 2: The Leadership of Vazgen. *Religion, state and society.* 1996. No. 24 (4). Pp. 286–343. In English.
- Harutyunyan S. B., Kalantaryan A. A.** (2001) Tugh Manuk [The Dark Youth]. Yerevan. In Armenian.
- Kabitskiy M. E., Kryukova N. V.** (2015) O chem govoryat v Armenii: kratkiy ekskurs v na-

rodnyy diskurs [What do they talk about in Armenia: a brief excursion into the people's discourse]. *Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya* [New Russian humanitarian studies]. 2015. No. 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1970/> (retrieved: 19.06.2018). In Russian.

Kryukova N. V. (2015) Nekotoryye aspekty konstruirovaniya smysla zhizni i zhiznennykh tsennostey v aktual'nom armyanskom diskurse. Pervichnyy analiz materialov dvukh polevykh ekspeditsiy v Armeniyu 2015–2016 gg. [Some aspects of constructing of the life meaning and life values in the actual Armenian discourse. Primary analysis of the materials of two field expeditions to Armenia in 2015–2016]. In: *Polevyye issledovaniya studentov RGGU. Etnologiya. Fol'kloristika. Lingvistika* [Field research of RSUH students. Ethnology. Folklore studies. Linguistics]. Vol. X. Moscow. Pp. 53–67. In Russian.

Kryukova N. V. (2016) “U nas neveruyushchikh netul!”: otnosheniye k religii v sovremennoy Armenii [“We don't have unbelievers!”: attitude to religion in modern Armenia]. *Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya* [New Russian humanitarian studies]. 2016. No. 11. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1998/> (retrieved: 19.06.2018). In Russian.

Mikaelyan G. (2014) Armyanskaya apostol'skaya tserkov' i obshchestvo v sovremennoy Armenii [Armenian Apostolic Church and so-

ciety in modern Armenia]. In: *Bol'shoy Kavkaz dvadtsat' let spustya: resursy i strategii politiki i identichnosti* [Greater Caucasus twenty years later: resources and strategies of politics and identity]. Moscow. Pp. 216–262. In Russian.

Primiano L. N. (1995) Vernacular religion and the search for method in religious folklore. *Western folklore*. 1995. Vol. 54. Pp. 37–56. In English.

Shagoyan G. (2012) Vremya igrat' svad'bu: mifologicheskaya i ekonomicheskaya obuslovlennost' armyanskogo svadebnogo sezona [Time for wedding: mythological and economic conditionality of the Armenian wedding season]. *Armyanskiy gumanitarnyy vestnik* [Armenian humanitarian herald]. 2012. No. 4. Pp. 140–152. In Russian.

Siekierski K. (2013) The Armenian Apostolic Church and vernacular Christianity in Soviet Armenia. *Keston Newsletter*. 2013. No. 18. Pp. 15–20. In English.

Siekierski K. (2014) “One nation, one faith, one church”: The Armenian Apostolic Church and the ethno-religion in post-Soviet Armenia. In: *Armenian Christianity today: Identity, politics and popular practice*. London; New York. Pp. 9–34. In English.

Ter-Sarkisyants A. E. (1998) Armyane. Istoriya i etnokul'turnyye traditsii [Armenians. History and ethno-cultural traditions]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Kryukova N. V. <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822>

E-mail: nkryu@mail.ru

Tel.: +7 (495) 938-18-20

32a, Leninsky av., Moscow, 119334, Russian Federation

Postgraduate student, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

Tel.: +7 (495) 250-61-02

6, build. 2, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation

Lecturer, Center for Social Anthropology, Russian State University for Humanities
